

Перо и пушка, пушка и перо...

Как псковские пушкари становились подъячими

Тридцать лет назад, в 1967 г. мне посчастливилось познакомиться с В.Д.Белецким. Мы, студенты, копали, постепенно подбираясь к одному из укреплений псковского Крома, а он, руководитель экспедиции Эрмитажа, успевая повсюду, успевал и отвечать на наши немудреные вопросы. Слушая его короткие и совсем не скучные пояснения, мы испытывали какое-то необъяснимое уважение к окружающим нас седым стенам и башням, белым церквям и зеленым садам, к обитателям стародавнего Пскова, за будничными делами которых угадывались... (ну, скажем так, как мог бы сказать "начитанный молодой человек" тех лет) угадывались "тени забытых предков".

И конечно особенно интересен был наш руководитель — "старик" (хотя, какой-там старик, ему не было тогда пятидесяти, мы сейчас уже старше) — с темными блестящими глазами, то устремляющийся в глубокий раскоп "посмотреть новенькое", то убегающий к "важным дядькам" для решения неотложных вопросов. Юные и легкомысленные, мы вряд ли могли объяснить, чем именно привлекает нас этот человек.

Случилось так, что в последующие годы я не так часто встречался с Василием Дмитриевичем. Но уже давно осознаю причины его обаяния и значительности. Он интересен, ибо ему самому было интересно. Он любил все хорошее — жизнь, свое дело, открытых непосредственных людей. И пробуждал в нас понимание Истории — не застывшего Прошлого, но могучего непрерывного потока, который нельзя разграничить, в каждой частице которого есть прошлое, настоящее и будущее...

Когда я писал статью в сборник, я как будто бы видел его доброжелательные глаза, напоминающие, что ушедшие от нас люди не ушли бесследно. Они с нами, пока мы их помним. Пусть эта небольшая статья о людях древнего Пскова, любимого Василием Дмитриевичем, станет скромной данью его светлой памяти.

В ночь на 3 ноября 1663 г. псковичам суждено было внезапное и ужасное пробуждение: землю и воздух сотрясло неведомой силой, сырой мрак пронзили крики ужаса, боли и отчаяния... Над Кромом — Кремлем и Домом Святой Троицы — стремительно расцвел огненный цветок и занялось кровавое зарево. В третий раз за последние сто лет (см.: ПП: 113; ПЗЛ: 271) взорвались зеленые палаты. Часть кромских укреплений превратилась в развалины; глыбы, куски и осколки стен вновь изменили береговую линию при слиянии Псковы и Великой. Чудом уцелел, но пострадал, Троицкий собор.

К сожалению, большая часть материалов сыска об этом событии, немедленно начатого псковским воеводой А.В.Бутурлиным, нам не известна (Акты 1901: 541). Известно только, что в ночном карауле у зеленых палат стояли семь стрельцов — выходцев из польско-литовских земель, “и те иноземцы, поляки и литва, и латыши, ставлены в стрельцы... при прежних боярех и воеводах”. Вечером охрану проверял пушкарский нарядчик Михалка Еремеев. Дозорные и “замкнутая” с 6 октября пороховая казна, как и защищающие каменные палаты тын и ворота “за замком” — все было в полном порядке (Акты 1901: 541). Тем не менее, одна из крупнейших диверсий XVII в. оказалась возможной (Джинчарадзе 1952: 237): польская разведка переиграла русскую контрразведку.

Предположение о диверсионном характере катастрофы подкрепляет знаменательный факт: семерка стражников после взрыва осталась нередимой (?!). Впрочем, этих вероятных лазутчиков вряд ли ждали последующие милости судьбы. Нас же сейчас интересует судьба пушкаря Михаила Еремеева.

В приходо-расходной книге псковской Приказной избы на 1663/64 г. имеются расходные записи: 17 ноября — “Лекарю Федки Иванову от личбы нарядчика Мишки Еремеева полтина”; 13 декабря — “Тюремному сиделцу, полскому полонянику Феде Белобретому на лекарственные составы на лечбу пушкарскаго(о) нарядчика Михалки Еремеева, как он резался, двадцат четыре алт(ы)на. Дано” (Приходо-расходная книга: л.221 об., 223 об.). После взрыва минул месяц, пошел другой... Мы словно ощущаем мучительную борьбу за жизнь искалеченного взрывом служилого человека. Понимаем и немалую заинтересованность властей в его излечении — на это выделяются средства, привлечен польский военнопленный, оказавшийся, вероятно, искусным целителем. Возможно, от старшего по кромскому караулу ждали важных свидетельских показаний? Или в нем видели преступника и тщательно лечили для дальнейшего дознания и расправы? А, может быть, его высоко ценили как нужного специалиста и верного долгу война?

Точнее последнее предположение. Михаил Еремеев давно служил при псковском наряде, неуклонно поднимаясь по служебной лестнице. В 1636/37 г. он — младший пушкарь (третий из четырех) при большой медной пищали “Певец” на раскате между Петровскими и Михайловскими воротами Окольного города, в 1643/44 и 1651/52 г. назван старшим из двух пушкарей “лужской немецкой медной” пищали, что в захабе у Великих ворот. А много позже взрыва и ранения, в 1667 г., Михаил Еремеев руководит нарядом важнейшего узла крепостной обороны у Власьевских ворот — 6 пищалей, в том числе — знаменитые “Аспид” и “Медведь” (Псков и его пригороды 1914: 43-45,172). Очевидно, следствие показало его непричастность к измене 1663 г., и по службе он отнюдь не пострадал.

Неожиданно имя Михаила Еремеева обнаруживается в перечне псковских приказных людей 1680 г.: это подъячий с годовым окладом 2 рубля, последний из четырех верстаных подъячих Поместного стола Приказной избы. В 1687 г. он верстан 8 рублями 16 алтынами и 4 денгами, являясь уже помощником столоначальника И.В.Ковезина (Псков и его пригороды 1914: 184,204).

Преображение огнестрельного мастера в “молодого” приказного человека, на первый взгляд, невероятно: считая, что младшим пушкарем нельзя стать ранее 16-летнего возраста, а старшим пушкарем — моложе

18 лет, ему к 1680 г. должно было бы быть по крайней мере 60 лет. По меркам XVII в. это — старик, не годный вовсе для начала новой сложной деятельности. К тому же, примерно с середины XVII в. правительство не одобряло пополнение приказных учреждений за счет служилых “по прибору” людей: казаков, стрельцов, пушкарей, драгун и т.п. (Демидова 1987: 54-56).

Однако политика правительства была не слишком последовательной. Среди псковских подъячих можно выявить немало приборных людей, в особенности — пушкарей. Так, в 1684/85 г. стал подъячим Кузьма Волков. В 1690 г. его возвращения “в пушкарскую службу” добивался голова наряда. “Наперед сего пушкарские и пушкарские дети для писма имались в Приказную палату в подъячие, и ныне так же”, — возражал Кузьма в челобитной. В 1693 г. Москва решила оставить его в приказных, “потому что его братья, пушкарские дети, многие в подъяческом чину”. В 1699 г. Кузьма Волков — это подъячий средней статьи в Поместном столе с окладом 250 четей земли и 5 рублей денег (Демидова 1987: 68,69; Псков и его пригороды 1914: 278).

Высокое положение занял “пушкарский сын” Филипп Емчужников: в 1613 г. — рядовой артиллерист, в 1643 г. — нарядчик, с 1654/55 г. взят в подъячие, а в 1660-70-е годы — глава Разрядного стола, игравший виднейшую роль в приказной среде (Псков и его пригороды 1914: 42,49,125,157,164,170; Приходо-расходная книга: л.122). Фамилия Емчужниковых дала целый ряд псковских подъячих. Под руководством Филиппа работал его сверстник и преемник Кузьма Гаврилов сын Фитанов, начавший чиновничью карьеру 9 марта 1663 г.: в 1667 и 1676 гг. он был “у порубежных дел”, а вскоре заменил начальника старшего из столов Приказной избы. Прежде его знали как пушкарского нарядчика Кузьму Гаврилова — человека немолодого и бывалого, в 1633 г. бывшего старшим орудия “Троил” против Петровских ворот (Псков и его пригороды 1914: 45,158,170,183,204,213,423; Русско-шведские 1960: 392). Ведущим специалистом Денежного стола стал опытный пушкарь Юрий Мартемьянов, некогда возглавлявший расчет пищали “Аспид”; именно на его место при орудии пришел М.Еремеев (Псков и его пригороды 1914: 42,47,125,158; Приходо-расходная книга: л.122 об.). Примеры можно было бы продолжить.

Нельзя не заметить, что названные лица могли существенно влиять на псковское бытие. Разумеется, нет никаких оснований говорить о сложении внутри приказного управления некоего сообщества, проводящего в жизнь свои требования, защищающего социальные интересы пушкарской корпорации. Каждый подъячий был обязан делать свое дело, следуя закону, за неисполнение которого грозила суровая кара (Соборное уложение 1987: 32,41-43,103,186,187,197,222). Когда, например, Ф.Емчужников разбирал спор о безоброчной ниве, вспыхнувший между Мирожским монастырем и пушкарями, то он не проявил особой приязни к собратям: дело было решено в соответствии с предъявленными доказательствами и Уложением 1649 г. в пользу чернецов (Данная...1677 г.)

И, все же, “как не порадеть родному человечку” (Грибоедов 1985: 57; Кивельсон 1944: 59). Родственные и личные связи, военные тяготы и ранения, общность судеб — все это не забывалось бывшими пушкарями, поднявшимися вверх по лестнице чинов. Они имели возможность замолвить слово, помочь кое-кому из соратников возвыситься хотя бы на одну ступеньку. Это — одна из причин расширения “огнестрельной” группы подъячих в псковской Приказной избе (палате).

Другая причина связана с несколько загадочной готовностью властей к пополнению приказного состава выходцами из столь необходимого пограничью артиллерийского сословия. Зачастую подъячими становились умудренные опытом и годами нарядчики-старшины. Так, к началу приказной карьеры Ф.Емчюжникову было не менее 36, а К.Фитанову — около 50 лет. Скорее всего, из-за ранений и болезней они уже не могли нести тяжелую военную службу, а начальство не желало утратить испытанных служак и охотно использовало их организаторские способности, военные и математические познания на ином поприще: в Разрядном, Денежном, Поместном, да и в других столах требовались такие, почти “готовые” подъячие. И Михаилу Еремееву не пришлось начинать “с нуля”. Поддержанный старыми сослуживцами, он просто продолжил службу на более спокойном месте. Знание геометрии (землемерия), умение составить простой документ, определенные навыки в разрешении конфликтов, неизбежно сопутствовавшие ратной жизни артиллерийского командира, были необходимы для работы в Поместном столе. Ведь именно здесь обеспечивалась законность владения землями, холопами и крестьянами, рассматривались некоторые земельные споры и оформлялись соответствующие документы, иногда — с картосхемами пограничных владений (Зуев 1995: л.10-11).

⁶ Выводы о причинах пополнения подъяческого аппарата за счет опытных пушкарей не могут измениться, даже если предположить, что бомбардир и подъячий М.Еремеев — это разные лица. Многие источники свидетельствуют, что весьма образованные нарядчики, потомки победителей Стефана Батория и Густава II Адольфа владели пушкой и пером одинаково хорошо. Случай с 60-летним ветераном заставляет задуматься о содержании и методах обучения молодых пушкарей, из которых вырастали столь разносторонние специалисты.

Акты Московского государства. Т. III. СПб. 1901.

Грибоедов А.С. 1985. Горе от ума. Л.

Данная воеводы П.В.Шереметева Мирожскому монастырю от 15 июня 1677 г. / Дрвнлекранилище ПГО-ИАХМЗ, ф.Мирожского монастыря, № 39/564.

Демидова Н.Ф. 1987. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.

Джингардзе В.З. 1952. Борьба с иностранным шпионажем в России в XVII веке // ИЗ. Т.39 М.

Зуев М.И. 1995. Люди и заботы исковской Приказной палаты. Вторая половина XVII века. / ППГОИ-АХМЗ. Архив исторического отдела.

Кншельсон В. 1994. Не подмажешь — не поедешь... Родственные связи и покровительство в провинциальной и московской княжеской XVII века // Родина, № 11.

Приходо-расходная книга 1663/64 г. / Дрвнлекранилище ПГОИАХМЗ, ф.Приказной избы, № 299/49.

Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. М.-Л. 1960.

Пеков и его пригороды. Т.2. // Сборник МАМЮ. Т.6. М. 1914.

Собрание уложение 1649 года. Л. 1987.